

М.П. Клеймёнов, Н.И. Верченко

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Подчеркивается важность ухода в настоящее время от функциональности социально-правового мышления, необходимость обеспечить его независимость от изменяющихся групповых взглядов, сориентировать на защиту интересов всего населения России. Отмечается, что проблема социально-правового мышления имеет прогностическое измерение, которое определяется угрозами из будущего. Цель исследования – выявить такие угрозы, охарактеризовать негативные сдвиги в социально-правовом мышлении при реагировании на них.

Ключевые слова: право; социально-правовое мышление; прогнозирование; трансгуманизм; экономическая преступность; коррупция; бюрократия.

Проблема социально-правового мышления наиболее глубоко исследовалась в юридической науке в классической парадигме формально-логического подхода [1. С. 10], который, по замечанию А.Ю. Мордовцева, абстрагирован от ментально-антропологической, культурной заданности и определенности правового мышления, сопряженности с широким спектром правовых явлений [2. С. 39]. Такой подход закономерно порождает излишне оптимистичные утверждения: «Необходимо представлять суть сегодняшнего развития отечественного права и законодательства. Это время зрелости юридической доктрины и формирования социального правового мышления... Право как социальный институт постепенно ассимилирует современное ему государство. Неизбежно будет совершенствоваться политическая система в направлении полноценного народного суверенитета» [3. С. 27].

С нашей точки зрения, при оценке тенденций развития юридического мышления важно учитывать реальное состояние и динамику социально-правовой обстановки. В этой связи в современных условиях высокую актуальность приобретает вопрос о том, какое значение в интеллектуальной юридической деятельности имеет прогнозирование. Его актуальность обусловлена рядом обстоятельств.

1. Социально-психологическое состояние общества в последнее время во многом определяет страх перед будущим. Такой «футурошок» (по выражению известного исследователя в области социального предвидения Элвина Тоффлера) [4] вызван обострением общественных противоречий и конфликтов, противоборством различных сил, образований, формирований, доходящих порой до прямой конфронтации и применения насилия. Нельзя сбрасывать со счетов деидеологизацию многих социальных групп, потерю веры в позитивное развитие событий. Не случайно, как показывают многочисленные социологические исследования, значительная часть населения склонна оценивать современное положение в обществе как «тревожное» или даже «опасное». Так, по материалам исследований ФОМ 2015–2016 гг., высоки тревоги населения за будущее своих детей и внуков (40%), здоровье своих близких (44%), страхи перед угрозами террористических актов и диверсий (20%), что у значительной части респондентов (15%) порождает уныние, депрессию, неуверенность в будущем, чувство безысходности [5]. По данным Левада-

Центра, полученным в 2019 г., наибольшие опасения россияне высказывают по поводу болезни близких (4,2 по пятибалльной шкале), войны (3,4), произвола властей (3,4), возврата к репрессиям и ужесточения политического режима (2,9), нападения преступников (2,8) [6].

2. В оценках будущего произошел сдвиг в сторону иррационального. Общественное сознание активно мистифицируется путем публикации ненаучных прогнозов; оно стало более внушаемым и эмоциональным. Окультистские практики не только активно применяются в поле воздействия средств массовой информации (например, в рекламе) [7. С. 16–17], но проникают также в среду лиц, имеющих политическое влияние, включая воздействие на принятие решений правового характера. Этот аспект исследовался в работах Теодора Адорно [8. Р. 128–134] и Джорджа Оруэлла [9. Р. 114–119], которые установили положительную корреляцию между оккультизмом и фашизмом. Она выражалась не только в восхищении авторитетных оккультистов фигурами Муссолини и Гитлера, но и в увлеченности самих этих персонажей эзотерическими знаниями. Дж. Оруэлл указывал на тесную связь оккультизма и элитаризма, утверждая, что «сама концепция оккультизма включает идею о том, что знание должно быть тайной, доступной узкому кругу посвященных. Но такая же идея присуща и фашизму. Противники идеи всеобщего избирательного права, общенародного образования, свободы мысли, эмансипации женщин начинают с того, что обращаются к тайным культам» [9. Р. 118].

Вопреки мнению о нейтральности или даже полезности эзотерических знаний [10. С. 276–295], оккультное мышление не только антигуманистично, оно порождает общественно опасные фантомы. В современных условиях это постановка вопроса о пяти лишних миллиардах людей [11], проекты трансгуманизма и создания киборгов [12. С. 122–126], в которых явно просматривается влияние идей Ф. Ницше – любимого философа А. Гитлера [13. С. 245–250; 14. С. 149–152; 15].

3. Происходит профанация научных знаний, проникновение в науку мистификаторов и откровенных мошенников. Псевдонаучные спекуляции осуществляются на основе интеллектуальной ограниченности и правового невежества лиц, принимающих решения. Как отмечено в материалах Комиссии по борьбе с

лженаукой и фальсификацией научных исследований, экстрасенсы и астрологи разных мастей находили поддержку в администрации первого Президента России, в Министерстве обороны. Осужденный в 2006 г. за мошенничество экстрасенс Г. Грабовой (академик многих наших доморощенных «академий», многократный «доктор наук» и «профессор») читал цикл лекций в Министерстве по чрезвычайным ситуациям, консультировал Совет Безопасности РФ [16. С. 3]. Очевидно, это не случайно, потому что поиски «нового мышления» в различных сферах были начаты в эпоху перестройки и продолжают до сих пор.

В настоящее время наиболее активными сторонниками «нового мышления» в социально-правовой сфере являются криминологи (Л.В. Кондратюк [17], В.Н. Фадеев [18. С. 5–19], В.А. Номоконов [19. С. 20–29]), выступающие с позиций гностицизма. Однако если Л.В. Кондратюк видел изменение научной парадигмы в переносе внимания с социологии преступления на антропологию преступника, появляются авторы претендующие на создание «новой криминологии». Четко выразить эту новизну они не могут, поскольку придерживаются эклектических взглядов, где смешаны манихейство, экзистенциализм, эзотерика, технократизм и другие давно известные изгибы человеческой мысли, развивавшиеся в учениях гностиков, которые Л.Н. Гумилев характеризовал в качестве антисистем [20. С. 207–253; 21. С. 251–303]. Правда, авторы облачают эти «новые» идеи во внешне гуманистические упаковки, тем не менее, соглашаясь с перспективой появления человека с синтезированными (усовершенствованными) физиолого-когнитивными способностями и утверждая реализацию НБИКС-технологий, ориентированных как раз на проект трансгуманизма [22. С. 8–11]. Таким образом, «новое» социально-правовое мышление предлагает выйти за пределы базовых основ аскиологии, созданных всем позитивным опытом человеческой цивилизации, и реализовать проект создания гуманоида с заранее заданными свойствами. Легко понять, кем будут заданы эти свойства в условиях современного капитализма: о характеристиках матрицы «служебного человека» рассказывал членам Совета Федераций Федерального собрания Российской Федерации М.И. Ковальчук. По его словам, общая характеристика популяции «служебных людей» очень простая: ограниченное самосознание, управление размножением и дешевая еда – генномодифицированные продукты [23].

Следует согласиться с философом В.А. Кутаревым, который взгляды трансгуманизма прямо называет объявлением войны человечеству как доведения до логического абсурдного завершения того геноцида, ибо в основе та же идея «усовершенствования» человека. В.А. Кутырев выдвигает в качестве принципа феноменологический антропоцентризм, обозначающий сохранение именно человеческих возможностей чувствования, данных нам от природы: «Для людей “лучшим из миров” является тот, где они способны жить, поддерживая свою идентичность» [24. С. 90]. «Русский национальный правовой менталитет, – пишет А.Ю. Овчинников, – лежит в основе евразийского

правопонимания и правового мышления, основными признаками которых являются: ценностно-рациональный характер легитимации правопорядка и отрицание юридического формализма; доминирование общественных идеалов и ценностей над личными; обостренное восприятие социальной справедливости; потребность в государственно-правовом патернализме; неприятие ценностного релятивизма в государственно-правовой идеологии; харизматическая легитимация верховной власти. Самобытность российского правового мышления несовместима с неолиберальной доктриной универсального правопорядка и унификацией права по принципу однополярной глобализации».

Ответ на вызов трансгуманизма со стороны российской правовой науки должен быть однозначным – криминализация экспериментов по созданию человека с заранее заданными свойствами как общественно опасных и угрожающих существованию человечества.

В современной России можно проследить и другую псевдогуманистическую тенденцию в социально-правовом мышлении, которая выражается в принципиальном ограничении мер уголовно-правового воздействия по отношению к преступникам в «белых воротничках». Она успешно лоббируется представителями коррумпированного бизнес-сообщества начиная с 2003 г. Именно в этом году принят Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [25]. Этот закон упразднил конфискацию имущества как вид наказания. «Уголовный закон лишился очень мощного правового инструмента устранившего нечистых на руку людей, – констатировал Ю.В. Голик. – Эта мера наказания полностью соответствует принципу справедливости, закрепленному в Уголовном кодексе: хочешь несправедливо материально хорошо жить за счет других людей или государства – будешь лишен по суду преступно нажитого имущества. С отменой конфискации утрачивается и предупреждающая функция уголовного закона, который недвусмысленно говорил: будешь красть – государство отнимет у тебя твое имущество. Современные экономические преступники больше всего боятся не привлечения к уголовной ответственности, не осуждения как такового, а конфискации имущества, оставляющей их лишь с “потребительской корзиной”, как у большинства рядовых законопослушных граждан» [26]. П.А. Скобликовым была высказана мысль, что все иные изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом явились лишь дымовой завесой для упразднения конфискации как вида наказания [27. С. 64–66].

Как замечает Н.Ф. Кузнецова, происходит идеолого-правовое размежевание по проблеме уголовно-правовой политики в сфере противодействия экономической преступности в рядах ученых. Предлагается решать ее посредством гражданского законодательства, а именно по нормам о ничтожных сделках. Высказывается мнение о том, что российские олигархии «хорошие» и надо к ним относиться, как в американской пословице: «Что хорошо для Рокфеллера, то хорошо и для Америки». Так что известный вопрос «С

кем вы, господа ученые?» стал весьма актуальным [28. С. 333–334]. Таким образом, в современной России сложились два типа социально-правового мышления: сервиллистский (субъективный, обслуживающий интересы правящего класса) и независимый (объективный, опирающийся на постулаты социального правового государства).

В этой связи следует обратить внимание на тесную связь экономической и коррупционной преступности, что обусловлено, по меньшей мере, тремя обстоятельствами: а) включением экономических преступлений в перечень преступлений коррупционной направленности (перечень № 23) [29]; б) слиянием власти и бизнеса как генерального направления развития капитализма в России; в) невозможностью организованной криминальной деятельности в сфере экономики без коррупционной составляющей.

Сторонники неолиберализма в научной юридической среде последовательно обосновывают политику ослабления уголовной репрессии по отношению к экономической, а значит, и коррупционной преступности. Именно такая стратегия находится в основе Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере 2010 г., разработанной в соответствии с поручением Президента России авторским коллективом юристов и экономистов, придерживающихся неолиберальной идеологии [30]. Авторы упирают на неэффективную защиту прав собственности, но совершенно игнорируют вопрос о легитимности этой собственности. Концепция выполняет социальный заказ: теоретически обосновать необходимость декриминализации экономических преступлений и способствовать легализации «беловоротничковой» преступности. Налицо неприкрытый избирательный подход к уголовно-правовой политике, который выражает классовый интерес. Выясняется, что либералы от науки защищают интересы класса собственников (крупных), демонстрируя появление нового исторического феномена – «классового либерала». Этот феномен никак не совместим с демократическими ценностями и главным постулатом права «перед законом и судом все равны» [31. С. 210–213].

Политика эта продолжается, она выражает методологию социально-правового мышления наиболее влиятельной группы лиц, лоббирующих развитие российского законодательства в заданном направлении. Как отмечает П.А. Вырва, с помощью коррупционно-лоббизма можно продвигать противоправные интересы отдельных лиц, создавать необоснованные привилегии и преимущества и даже легализовать коррупционные и преступные виды деятельности, запрещать полезные их виды. Подобные деяния угрожают национальной безопасности и стратегическим приоритетам Российской Федерации [32. С. 4].

В таких условиях важно обеспечить критичность, реализм, взвешенность оценок будущего при разработке правовых мер регулирования общественных отношений, исключить поспешность, непоследовательность, излишнюю эмоциональность и неразумность процесса социально-правового мышления. Гарантией этого является прогностический подход.

Способность к предвосхищению программируется генетически и у простейших организмов [33. С. 33], но только у человека она приобретает социализированные формы, определяющие тип мышления, его стиль и образ.

Образ социально-правового мышления с точки зрения прогнозирования представляет собой концептуальное отношение к будущему, основанное на нравственных императивах, традиционных для российского менталитета. В конечном счете, это выбор будущего с четко определенных идеологических позиций построения социального правового государства. В настоящее время чрезвычайно важно избежать функциональности социально-правового мышления, обеспечить его независимость от изменяющихся групповых взглядов, сориентировать на защиту интересов всего населения России. Строго говоря, социально-правовое мышление должно подчинять себе современную политическую идеологию, а не зависеть от нее. Правда, для этого необходимо качественное повышение его уровня. Только тогда становится возможным не допустить применения (или неприменения) уголовно-правовых средств в групповых интересах. Здесь уместно процитировать М.Д. Шаргородского, который в 1963 г. на Всероссийской научной конференции сказал: «Наука начинается там, где она говорит “Нет” законодателю» [34. С. 23].

Стиль социально-правового мышления с позиции прогностического подхода раскрывается через направленность приемов отбора, регистрации и истолкования информации о будущих событиях. Наиболее известный пример, характеризующий стиль мышления, – это установки на правоприменительную деятельность: какие действия имеют состав преступления, какие нет, каким образом следует реагировать на возможные социальные отклонения и т.п. Наряду с установками стиль мышления определяют традиции и стереотипы. Существенная черта, социально-правового мышления, сформированная предыдущими десятилетиями развития правовой системы, заключается в стремлении спрогнозировать характер реакции (одобрительная или критическая) на тот или иной возможный результат со стороны лиц, принимающих наиболее ответственные решения, и скорректировать выводы в соответствии с ожиданиями этих лиц.

Само собой разумеется, стиль мышления не является изначально отрицательной чертой интеллектуальной деятельности; он занимает определенное место в системе социальных значений в связи со своей содержательной характеристикой. Более того, социально-правовое мышление объективно невозможно без сознательной его ориентации. Таковы, например, предназначение и смысл толкования уголовно-правовых норм, в особенности аутентичного и легального. Речь идет о необходимости сохранения беспристрастности (точнее, пристрастности в рамках закона) по отношению к правовой действительности, в том числе будущей. И, конечно, недопустимо формировать стиль правового мышления средствами, противоречащими духу и букве закона, в частности используя дезинформацию, дискредитацию честных ученых, пассионариев от науки.

Tun социально-правового мышления в перспективном аспекте определяется путем специфической реакции на новое. Надо сказать, что попытки дать исчерпывающую характеристику типу такой реакции с помощью какого-либо термина (консервативная, реформаторская, радикальная) нельзя признать удачными. Указанные дефиниции малопродуктивны по причине своей эмоциональной насыщенности и поэтому не могут служить ключевыми. Здесь уместнее обратиться к антитезе «рациональный – нерациональный», имея в виду тот вред, который может быть причинен в результате того или иного типичного реагирования на нетрадиционные данные, нестандартные ситуации. Многие события новейшей истории показывают, насколько опасно не замечать новую социально-правовую информацию, сознательно игнорировать или превратно интерпретировать соответствующие данные.

Образ, стиль, тип характеризуют как профессиональное, так и обыденное социально-правовое мышление, причем по отношению к будущему, если судить по публикациям в специальной литературе и средствах массовой коммуникации, между профессионалами и населением существенных различий не наблюдается. Это объясняется, во-первых, недостатками в формировании социально-правового мышления при обучении. Например, преподавание по большинству юридических дисциплин, включая уголовное право и уголовный процесс, осуществляется без привития прогностических навыков, вне социально-динамического контекста. Отсюда эмпиризм в выработке соответствующих качеств, являющихся результатом собственного практического опыта. Во-вторых, ряды профессионалов постоянно обновляются и пополняются лицами, не имеющими специального юридического образования. Пример тому – состав депутатского корпуса разного уровня, где профессиональные юристы представлены в явно недостаточной степени. А ведь это – лица, ответственные за принятие важных решений, определяющие основные направления политики, включая уголовно-правовую. Они, безусловно, должны предвидеть последствия вырабатываемой под их контролем и с их непосредственным участием стратегии и обеспечивать рациональность вырабатываемых правовых мер. Думается, что прогностичность социально-правового мышления – одно из основных критериев его компетентности и профессионализма. Равным образом, несомненным признаком безответственности и дилетантизма интеллектуальной деятельности является недальновидность.

Сходство по указанному признаку социально-правового мышления профессионалов и общественности нежелательно по многим соображениям. Во-первых, недальновидность мышления обрекает на случайный поиск приемлемых стратегий уголовно-правовой политики, означая, по существу, экспериментирование на человеческих судьбах. Во-вторых, в этом случае возрастает вероятность возвращения к апробированным средствам уголовно-правового регулирования, рассчитанным не на перспективу, а на решение конкретных задач (например, удержание власти). В-третьих, создается объективная основа для

выводов о компетентности «общественного мнения» и аргументирования ссылками на него обоснованности определенного законоположения, выражающего, по сути, групповые интересы. Таков один из приемов реализации возможности замены или подмены результатов профессионального мышления субъективными усмотрениями и взглядами.

Таким образом, недальновидность социально-правового мышления иногда свидетельствует не только о легкомысленной безответственности, невежественности, самонадеянности субъекта (субъектов), но также о предвзятости. Иными словами, отсутствие прогностичности в интеллектуальной деятельности при определенных обстоятельствах указывает на то, что возможные неблагоприятные последствия принимаемых решений игнорируются сознательно. Легко установить различие между этими двумя векторами социально-правового мышления: в первом случае непредусмотрительность вредна для всех, включая самого деятеля (человека, коллектива, общества), во втором – отвечает чьим-либо интересам, выгодам. Сущность второй интеллектуальной стратегии может быть идентифицирована как феномен мнимой неопределенности.

Социально-правовое мышление часто осуществляется в ситуации неопределенности, ссылки на которую впоследствии – если наступили негативные результаты – дают возможность представить их как неожиданные и непредсказуемые. Учитывая прогностическую некомпетентность населения, в общественном мнении можно найти поддержку любого подобного заявления, в особенности когда речь идет о решениях, принятых на относительно высоком уровне. Создание интеллектуальных оснований для безответственности есть опасный негативизм социально-правового мышления, который, к сожалению, является еще довольно распространенным.

Не менее опасно также искажение информации о будущем. Представляя собой способ воздействия на социально-правовое мышление, дезинформация преследует цель формирования определенного мнения, настроения и в итоге – желательного решения или поведения. Подробно возможности управления процессом принятия решения путем формирования картины будущего рассмотрены в теории исследования операций. При этом управляемой «стороне» предлагается псевдоинформация, на первый взгляд, снимающая неопределенность ситуации. Такой подход может быть эффективным, если оперирующая «сторона» успешно имитирует внутренний мир и основания принятия решений лицами, выступающими объектами управления [35. С. 101]. Учитывая актуальность затронутой проблемы, целесообразно ввести в систему критериев социально-правового мышления шкалу «управляемость – независимость». Это особенно продуктивно в связи с бюрократизацией интеллектуальной деятельности в сфере борьбы с преступностью, реальными усилиями бюрократической структуры контролировать процесс принятия уголовно-правовых решений, затрагивающих ее интересы. Характерно, что в соответствии с законами бюрократической системы

[36], стремящейся скрыть действительные намерения в специфической терминологии, управляемость на бюрократическом языке идентична понятию «предсказуемость». И наоборот, непредсказуемость в этой системе смысловых значений синонимична независимости.

Иное (истинное) значение указанное (ключевое в контексте данного исследования) понятие обретает, когда структура социально-правового мышления анализируется не сверху управленческой пирамиды – до ее основания, а в противоположном направлении. В этом смысле предсказуемость означает уверенность в поведении управляющей подсистемы, перспектива которой выражена в соответствующих заявлениях, обещаниях, планах, программах. Предсказуемость становится синонимом надежности и стабильности. И напротив, когда обещания не выполняются, планы и программы оказываются несостоятельными, а заверения – ложными, это действует чрезвычайно угнетающе на социально-правовое мышление из-за невозможности предвидеть реальную перспективу и выстраивать разумную стратегию конструктивных преобразований.

Общество, в котором социально-правовое мышление лиц, принимающих решения на высоком уровне, характеризуется непредсказуемостью, развивается, как показывает практика, в одном направлении – к тоталитаризму. Многие мыслители (Д. Оруэлл, А. Солженицын, Г. Белль) отмечают случайность произвола, то, что его жертвой может стать любой; это и превращает страх в психологическую доминанту поведения.

Интересно отметить, что случайность (точнее, расчет на нее) присутствует и в тех системах, где непредсказуемость не достигает степени произвола. Здесь управляющее воздействие оказывается на социально-правовое мышление людей на примере обращения с совершившими случайно правонарушения «отступниками», «непослушными», к которым предъявляют объективность, по существу переходящую в предвзятость, и наоборот, те же правонарушения, совершенные другим лицом, могут вообще не повлечь никаких правовых последствий. Таков один из механизмов формирования конформистского социально-правового мышления. Вообще, конечной целью бюрократии является стремление контролировать мысли людей, а значит, управлять ими в собственных интересах.

Сказанное приводит к выводу о существенном влиянии, которое оказывает бюрократия на состояние и развитие социально-правового мышления. Для будущего, имея в виду правовое реформирование в любом направлении и его возможное воздействие на реальную социальную ситуацию, это имеет принципиальное значение. Поэтому важно видеть и анализировать логику мыслей и поступков бюрократической системы, динамику целей и форм реализации разрабатываемых в ней социальных предписаний. Не претендуя на полное исследование проблемы (это представляет самостоятельный научный интерес), отметим, что наиболее актуальные направления ее изучения, которые следует учитывать в процессе прогнозирования

социально-правового мышления, включают проверку следующих гипотез:

- увеличивается непредсказуемость действий бюрократии, что чревато многократным усилением центробежных сил и осложнением социально-правовой обстановки; бюрократическая система подрывает основную гарантию своего существования – доверие со стороны населения и многочисленных социальных групп;

- предписания бюрократической системы несовременны, прямолинейны, недальновидны, лишены гибкости, логического обоснования, поэтому они наталкиваются на внутреннее неприятие и часто приводят к противоположному результату; в социально-правовом плане это выражается выработкой эмоционально-негативных образцов мышления и неподчинением правовым нормам;

- бюрократия в обозримой перспективе своей деятельности ориентирована на приоритеты разрушительного, а не созидательного характера (борьба за власть, а не за восстановление природной культурной экологии и т.п.). Отсюда наблюдается ухудшение социально-психологической атмосферы в обществе, что мотивирует выработку скоропалительных, непродуманных социально-правовых решений на различных уровнях;

- деструктивные процессы характеризуют развитие бюрократической системы как по вертикали, так и по горизонтали; наиболее опасной в этой связи является усиление коррупции среди представителей бюрократического аппарата (произвола по корыстным мотивам), что свидетельствует о деформации социально-правового мышления;

- в основе реальной (а не декларируемой) идеологии бюрократии находятся примитивные, узкоэгоистические, корпоративные интересы, которые, если они реализованы в правовых предписаниях, лишают общество исторической перспективы, а человека – права выбора, а следовательно, свободы и ответственности; социально-правовое мышление, формируемое у представителей бюрократии и ими воспроизводимое и распространяемое (навязываемое) среди населения, по своему содержанию поверхностно, нетерпимо к инакомыслию, тяготеет к ригоризму и отчуждению от человеческой личности;

- наиболее агрессивные формы выражения социально-правового мышления появляются в тех кругах и группах бюрократической системы, которые опасаются утраты власти из-за возможности привлечения их к ответственности (в том числе уголовной) в будущем;

- представители вновь образуемых, создающихся бюрократических структур не становятся, по общему правилу, носителями прогрессивного, отвечающего требованиям времени, социально-правового мышления; велика вероятность повторения ими типичных ошибок той бюрократии, на смену которой они пришли или ряды которой пополнили.

Существенной характеристикой динамики социально-правового мышления является сдвиг интересов к проблемам настоящего без учета их перспективы, своего рода девальвация будущего. Причины того

многообразны и специфичны по отношению к различным специальным группам. Например, что касается бюрократии, то демократизация общества и иные позитивные общественные преобразования создали основу для гипертрофирования в ее сознании угрозы потере власти. В отношении представителей органов, профессионально занимающихся реализацией правовых норм, можно заметить, что здесь акцентирование внимания на настоящем в ущерб будущему объясняется увеличившейся напряженностью в текущей работе. Им рассуждения о будущем могут пока-

заться лишними, ненужными. Однако вопреки установкам подобной активной и пассивной футурофобии ценность прогностически обоснованного социально-правового мышления постоянно возрастает. Важно предвидеть последствия принятия юридических решений на любом уровне, потому что они касаются судеб людей. И, конечно, следует учитывать уроки истории, которая показывает гибельность любой политики, противоречащей законам развития человеческого общества. Такие законы неподвластны манипулятивным технологиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинников А.И. Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004.
2. Мордовцев А.Ю. Юридическое мышление в контексте сравнительного правоведения: культурантропологические проблемы. Правоведение. 2003. № 2.
3. Синуков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. 2018. № 10.
4. Тоффлер О. Шок будущего. М. : АСТ, 2002. 557 с.
5. Страхи и тревоги: Фонд Общественное Мнение. URL: <https://www.fom.ru> (дата обращения: 21.02.2020).
6. Социологи Левада-Центра назвали главные страхи россиян. URL: <https://www.levada.ru> (дата обращения: 15.02.2020).
7. Клейменов М.П., Федоров А.Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение. Омск : Омская академия МВД РФ, 2008.
8. Adorno T.W. The Stars down to Earth and other Essays on the Irrational in Culture. L.; N. Y. : Routledge, 1994.
9. Orwell G. Critical Essays. L. : Secker and Warburg, 1946.
10. Пазы М. Оккультизм и современность: некоторые ключевые моменты // Государство. Религия. Церковь. 2013. № 4.
11. Carrington D. Paul Ehrlich: Collapse of civilization is near certainty within decades // The Guardian. 2018. 22 mar.
12. Сазеева И.Б., Грошева Т.Н. Антигуманистический характер философии трансгуманизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3, ч. 1.
13. Луков А. Трансгуманизм // Энциклопедия гуманитарных наук. 2017. № 1.
14. Чижикова Л.А. Наследие Ницше в дискурсе трансгуманизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 13.
15. Андрес У. Дарвинизм, Ницше, Гитлер и Холокост // Заметки по еврейской истории. 2016. № 5–6. URL: https://www.berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer5_6/Andres1.php (дата обращения: 26.02.2020).
16. Предисловие // Бюллетень «В защиту науки». 2006. № 1.
17. Кондрачук Л.В. Антропология преступления (микрокриминология). М. : Норма, 2001. 344 с.
18. Фадеев В.Н. Теоретико-методологические основы криминологии будущего // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1.
19. Номоконов В.А., Судакова Т.А. Позитивная криминология // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 1.
20. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М. : Айрис-пресс, 2004.
21. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начала. М. : АСТ, 2018.
22. Бахтиярова Е.З. О судьбоносном значении НБИКС-технологий в развитии человечества // Вестник Томского университета. 2012. № 4, вып. 1.
23. Клеточная война, колонии и «служебные» люди США. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b> (дата обращения: 15.01.2020).
24. Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества). Смоленск, 2006.
25. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 162-ФЗ от 08.12.2003 // Российская газета. 2001. 16 дек.
26. Голик Ю.В. Самый гуманный УК в мире // Известия. 2004. 6 марта.
27. Скобликов П.А. Конфискация имущества как наказание: аргументы за и против // Уголовное право Саратовского центра. 2004. № 2.
28. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Городец, 2007.
29. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 // СПС КонсультантПлюс.
30. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. 196 с.
31. Клейменов М.П. Либеральная идеология и уголовное законодательство // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 1.
32. Вырва П.А. Криминологические аспекты коррупционного лоббизма в правотворческой деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2020.
33. Душков Б.А. География и психология. М., 1987.
34. Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Правоведение. 2017. № 2.
35. Смолян Г.Д. Методологические вопросы исследования операций : дис. ... канд. филос. наук. М., 1986.
36. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М. : Прогресс, 1989. 448 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 апреля 2020 г.

The Prognostic Aspect of Social and Legal Thinking

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 465, 202–209.

DOI: 10.17223/15617793/465/27

Mikhail P. Kleymenov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation); Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: klim798@mail.ru

Nadezhda I. Verchenko, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: n.verchenko@yandex.ru

Keywords: law; social and legal thinking; forecasting; transhumanism; economic crime; corruption; bureaucracy.

The problem of social and legal thinking has a prognostic dimension, which is determined by threats from the future, the number and intensity of which is noticeably increasing. The threats may be overlooked and ignored, or established but incorrectly understood and identified. The aim of the research is to identify such threats, to characterize negative shifts in social and legal thinking when responding to them, to determine and establish the constructive content of the image, style and type of this thinking. The methodological basis of the research is a dialectical method, systems analysis, generalization of sociological polls and the use of a hermeneutic approach in their interpretation. The socio-psychological state of society in recent years is largely determined by the fear of the future. Sociological survey materials clearly show this “future shock”, and fear of the future is often motivated by threats of a criminal nature. There has been a shift towards the irrational in assessments of the future. Contrary to the opinion that esoteric knowledge is neutral or even useful, occult thinking is not only anti-humanistic, it also generates socially dangerous phantoms. In modern conditions, these are raising the question of “extra” billions of people, projects of transhumanism and the creation of cyborgs. Another negative trend in social and legal thinking is clearly traced; it is expressed in the fundamental limitation of measures of criminal law in relation to “white-collar” criminals. Prominent lawyers consistently substantiate the policy of weakening criminal repression in relation to economic and, therefore, corruption crimes. Not all scholars agree with this; this is why there are two types of social and legal thinking in modern Russia: servile (subjective, serving the interests of the ruling class) and independent (objective, based on the postulates of a social legal state). The phenomena of active and passive futurophobia should be identified in social and legal thinking. An example of the former is the overestimation of the threat of losing power in the legal consciousness of the bureaucracy (decision-makers), and an example of the latter is the devaluation of the future in the legal consciousness of law enforcement officers, which is explained by the increased tension of the current work. It is important to anticipate the consequences of legal decisions at any level because they affect people’s fate. The authors come to the following conclusions. (1) The predictability of social and legal thinking is one of the main criteria for its competence and professionalism. (2) A society in which the social and legal thinking of decision-makers is characterized by unpredictability develops in the direction of totalitarianism. (3) The answer to the challenge of transhumanism on the part of Russian legal science should be unambiguous – experiments to create a person with predetermined properties should be criminalized as socially dangerous and threatening the existence of humankind.

REFERENCES

1. Ovchinnikov, A.I. (2004) *Pravovoe myshlenie* [Legal thinking]. Abstract of Law Dr. Diss. Krasnodar.
2. Mordovtsev, A.Yu. (2003) *Yuridicheskoe myshlenie v kontekste sravnitel'nogo pravovedeniya: kul'turanthropologicheskie problemy* [Legal thinking in the context of comparative jurisprudence: cultural anthropological problems]. *Pravovedenie*. 2.
3. Sinyukov, V.N. (2018) Legislation in Russia: challenges of social integration. *Lex Russica*. 10. (In Russian).
4. Toffler, A. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Translated from English. Moscow: AST.
5. Fond Obshchestvennoe Mnenie [Public Opinion Foundation]. (2020) *Strakhi i trevogi* [Fears and anxieties]. [Online] Available from: <https://www.fom.ru> (Accessed: 21.02.2020).
6. Levada Center. (2020) *Sotsiologi Levada-Tsentra nazvali glavnye strakhi rossiyan* [Sociologists of the Levada Center named the main fears of Russians]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru> (Accessed: 15.02.2020).
7. Kleymenov, M.P. & Fedorov, A.Yu. (2008) *Kriminal'noe manipulirovanie v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie* [Criminal manipulation in the sphere of economic activity: criminological characteristics and prevention]. Omsk: Omsk Academy of the RF MIA.
8. Adorno, T.W. (1994) *The Stars down to Earth and other Essays on the Irrational in Culture*. London; N.Y.: Routledge.
9. Orwell, G. (1946) *Critical Essays*. London: Secker and Warburg.
10. Pasi, M. (2013) The Modernity of Occultism: Reflections on Some Crucial Aspects. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov' – State. Religion. Church*. 4. (In Russian).
11. Carrington, D. (2018) Paul Ehrlich: Collapse of civilization is near certainty within decades. *The Guardian*. 22 March.
12. Sazeeva, I.B. & Grosheva, T.N. (2017) Antihumanistic nature of transhumanism philosophy. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 3 (1). (In Russian).
13. Lukov, A. (2017) Transhumanism. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. (In Russian).
14. Chizhikova, L.A. (2013) Nasledie Nitshe v diskurse transumanizma [Nietzsche's legacy in the discourse of transhumanism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 13.
15. Andres, U. (2016) Darvinizm, Nitshe, Gitler i Kholokost [Darwinism, Nietzsche, Hitler and the Holocaust]. *Zametki po evreyskoy istorii*. 5–6. [Online] Available from: https://www.berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer5_6/Andres1.php (Accessed: 26.02.2020).
16. *V zashchitu nauki*. (2006) Predislovie [Foreword]. 1.
17. Kondratyuk, L.V. (2001) *Antropologiya prestupleniya (mikrokriminologiya)* [Anthropology of crime (microcriminology)]. Moscow: Norma.
18. Fadeev, V.N. (2020) The theoretical and methodological basis of criminology of the future. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 14 (1). (In Russian).
19. Nomokonov, V.A. & Sudakova, T.A. (2020) Positive criminology in a fight for the human being. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal – Russian Journal of Criminology*. 14 (1). (In Russian).
20. Tikhomirov, L.A. (2004) *Religiozno-filosofskie osnovy istorii* [Religious and philosophical foundations of history]. Moscow: Ayris-press.
21. Gumilev, L.N. (2018) *Konets i vnov' nachala* [An end and a new beginning]. Moscow: AST.
22. Bakhtiyarova, E.Z. (2012) On the fateful meaning of NBICS technology in the development of humanity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4 (1). (In Russian).
23. RAS. (2015) *Kletochnaya voyna, kolonii i “sluzhebnye” lyudi SShA* [Cell war, colonies and “service” people of the United States]. [Online] Available from: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=3de3096d-88a3-415e-8d04-cc57fa96dd5b> (Accessed: 15.01.2020).
24. Kuttyrev, V.A. (2006) *Filosofskiy obraz nashego vremeni (bezhiznennyye miry postchelovechestva)* [The philosophical image of our time (the lifeless worlds of posthumanity)]. Smolensk: Smolensk State Pedagogical Institute.
25. *Rossiyskaya gazeta*. (2001) O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon № 162-FZ ot 08.12.2003 [On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 162-FZ of 08 December 2003]. 16 December.
26. Golik, Yu.V. (2004) Samyy gumannyy UK v mire [The most humane Criminal Code in the world]. *Izvestiya*. 6 March.
27. Skoblikov, P.A. (2004) Konfiskatsiya imushchestva kak nakazanie: argumenty za i protiv [Confiscation of property as a punishment: arguments for and against]. *Ugolovnoe pravo Saratovskogo tsentra*. 2.
28. Kuznetsova, N.F. (2007) *Problemy kvalifikatsii prestupleniy: Lektsii po spetskursu “Osnovy kvalifikatsii prestupleniy”* [Problems of qualification of crimes: Lectures for the special course “Fundamentals of qualification of crimes”]. Moscow: Gorodets.

29. Russian Federation. (2020) *On the introduction of the lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting: Instruction of the Prosecutor General's Office of Russia No. 35/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 of 24.01.2020*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345696/. (In Russian).
30. Zhalinskiy, A.E. et al. (2010) *Kontseptsiya modernizatsii ugolovnoy zakonodatel'stva v ekonomicheskoy sfere* [The conception of modernization of criminal legislation in the economic sphere]. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya".
31. Kleymenov, M.P. (2011) *Liberal'naya ideologiya i ugolovnoye zakonodatel'stvo* [Liberal ideology and criminal legislation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo – Herald of Omsk University. Series: Law*. 1.
32. Vyrva, P.A. (2020) *Kriminologicheskie aspekty korruptsiy i lobbizma v pravotvorcheskoy deyatel'nosti* [Criminological aspects of corruption lobbying in lawmaking]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.
33. Dushkov, B.A. (1987) *Geografiya i psikhologiya* [Geography and Psychology]. Moscow: Mysl'.
34. Borulnikov, Yu.P. (2017) *Pravovoe myshlenie kak intellektual'naya sostavlyayushchaya yuridicheskogo poznaniya* [Legal thinking as an intellectual component of legal knowledge]. *Pravovedenie*. 2.
35. Smolyan, G.D. (1986) *Metodologicheskie voprosy issledovaniya operatsiy* [Methodological issues of operations research]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.
36. Parkinson, S.N. (1989) *Zakony Parkinsona* [Parkinson's law]. Translated from English. Moscow: Progress.

Received: 22 April 2020